

Римма Харламова

ЛЮДИ И СУДЬБЫ

Незабываемые

Римма Харламова

ЛЮДИ И СУДЬБЫ.
Незабываемые

«Издательские решения»

Харламова Р.

ЛЮДИ И СУДЬБЫ. Незабываемые / Р. Харламова —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-980068-8

Книга повествует о судьбах людей — как знаменитостей, известных во всём мире, так и широко известных только в узком кругу. Их объединяет равнодушный взгляд автора — и то, что все герои и их судьбы забываемы. Многие новеллы опубликованы в журналах «Тайны и преступления» (Москва) и «Всё» (Нью-Йорк). Книгу украшает изящная новелла ещё одного автора — это кандидат физико-математических наук, педагог и научный редактор Ирина Ицхоки, попытавшаяся разгадать тайну Второго вальса Шостаковича.

ISBN 978-5-44-980068-8

© Харламова Р.
© Издательские решения

Содержание

От автора	7
АНДЕРСЕН: Великая старая сказка	8
Родина сказок	9
Надежда, любовь и вера	10
Теплый мир евреев	11
Музыка и сказка	12
Снимается кино	13
Дети и сказки	14
Неизвестный Андерсен	15
Андерсен в Нью-Йорке	16
АПДАЙК: три большие тайны	17
Советский Апдайк	17
Истинный Апдайк	18
Корни и крона	19
Литературный стиль как образ жизни	20
Остановиться бы, оглянуться...	21
Мифы и фантазии	22
Снимается кино	23
Три большие тайны?	24
БЕЛЯЕВ: «Живая нить русского начала»	25
Военная косточка	26
Дальше была война	27
Патриотическая эмиграция	28
Военная география	29
Чакская война	30
Конец утопии	31
Белый Отец из клана Тигров	32
Продолжение	33
ВИНЧЕСТЕР: Семейное проклятье	34
Родоначальник	35
Дети и внуки	36
Строительство	37
Жизнь и смерть Сары Винчестер	38
Новые времена	39
ГОТОРН: Расплата	41
США на рубеже XVIII – XIX веков	42
Салемские предки и их наследие	43
Любовь на всю жизнь	44
Успех	45
Несчастливые времена	46
Власть истории и история власти	47
Одна буква	48
ГОФМАН: «Свой среди чужих, чужой среди своих»	49
Амадеус	50
Скитания	51
Друзья и возлюбленные	52

Музыка	53
Романтизм Гофмана	54
История Щелкунчиков	55
После жизни	56
Смерть судебного советника	57
Жив Щелкунчик	58
ДЕФО: Скрытый сын бурного века	59
Автор не одного романа	60
Коммерсант	61
Бунтарь	62
Долой аристократов, да здравствует король!	63
Еретик	64
Шпион	65
Долгая жизнь Робинзона	66
Последний вояж Робинзона	67
Герой и автор	68
ДИТРИХ: Нежность	69
Дочки-матери	70
Красота – в глазах смотрящего	71
Успех, слава, счастье	72
Страсти по Марлен	73
Дружеская любовь	74
Страсть после нежности	75
Одиночество	76
Конец ознакомительного фрагмента.	77

ЛЮДИ И СУДЬБЫ Незабываемые

Римма Харламова

© Римма Харламова, 2020

ISBN 978-5-4498-0068-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

От автора

Мне совсем не безразличны мои герои – люди и их судьбы; и те, кого я знала лично (их немного), и те, чьи жизни и деяния я внимательно изучала и осмысливала. Я восхищаюсь ими, сочувствую им, превозношу их достижения... Все они в сердце моём – друзья, дорогие, любимые, прекрасные. И потому, как сказал Булат Окуджава: «Да будем мы к своим друзьям пристрастны, да будем думать, что они – прекрасны!»

Я буду счастлива, если читатель тоже полюбит моих героев. Они достойны этого.

АНДЕРСЕН: Великая старая сказка

Ганс Христиан Андерсен родился на узенькой улочке Мункемелле, в маленьком старинном городе Оденсе, на острове Фюн в Дании, в семье башиачника и прачки 2-го апреля 1805 года, поэтому 2 апреля в его честь уже более четырех десятилетий весь мир празднует Международный день детской книги.

С детства и до старости он был нескладный, неуклюжий, ужасно некрасивый. Половину жизни прожил в бедности, даже нищете, но даже став знаменитым и богатым, не стал счастливым в житейском понимании этого слова: болезни и одиночество – ни семьи, ни любви, ни покоя, ни света. Жизнь его воистину протекала как в сказке: чем дальше, тем страшнее... Но написал несколько романов («Импровизатор», «Только скрипач»), пьес («Мулат», «Цветок на груше»), повестей и рассказов («Тетушка Зубная Боль»), книг путешествий («Путешествие пешком от Хольмен-канала до восточного мыса острова Амагер», «Базар поэта») и бесчисленное множество стихов. А главное – сочинил сто семьдесят сказок, которые будут жить, пока в мире будут дети, то есть вечно.

Родина сказок

В его родном Оденсе есть Сад Андерсена, или Сад сказки, где стоит памятник сказочнику и скульптура «Дикие лебеди». На фасаде школы, где учился маленький Ганс, висит мемориальная доска с начальными строками его стихотворения: «Здесь в деревянных башмаках я бегал в школу бедняков...» Но истинный город Андерсена – Копенгаген: Новая королевская площадь (здесь Элизу спасли от смерти братья-лебеди), улица Нюхавн (здесь долго жил Андерсен), кондитерская La Glace (каждый месяц года здесь пекут пирог в честь какой-нибудь сказки Андерсена), Музей промышленного искусства (через его решетку студент из «Волшебных калош» просунул голову. Решетка до сих пор цела. Может, и калоши тоже). Символ Копенгагена – памятник Русалочке, изваянный Эдвардом Эриксоном в честь героини сказки Андерсена и... балерины Джульетты Прайс, возлюбленной «пивного короля» Карла Якобсена, который и заказал скульптуру. В Копенгагене два памятника Андерсену: в Королевском саду, с надписью «Воздвигнут датским народом», и у ратуши, на самом почетном месте. Неподалеку – сказочный парк Тиволи. Андерсен участвовал в открытии Тиволи, и один из аттракционов подал ему идею сказки «Соловей». В Тиволи и сегодня продаются сказочные оловянные солдатики. Андерсену, кстати, парк не нравился.

В день похорон Андерсена в Дании объявили национальный траур. Гроб несли на руках по улицам Копенгагена. За гробом шел сам датский король, но не о нем, а о Короле сказок Андерсене газеты писали: «В могилу наш король сошел, и некому занять престол».

В Дании живут примерно 46 тысяч Гансов, 36 тысяч Христианов и 173 тысячи Андерсенов. А еще есть одна королева, один кронпринц и еще 5413390 простых жителей, каждый из которых верит, что норвежские тролли приезжают в Данию погостить, а трубочисты – самая прекрасная в мире профессия. Трубочистов в Копенгагене около пятидесяти. В четыре часа утра, когда печные трубы успевают остыть, трубочисты на велосипедах мчатся на работу. Ежегодно они вычищают 470000 печных труб. Чтобы стать трубочистом, нужно окончить училище при Копенгагенском технологическом институте.

В Дании Андерсен – самодержец. Его бронзовая фигура встречает вас на ратушной площади, его Русалочка целыми днями сидит у моря, и главная улица Копенгагена названа, конечно, его именем. В Копенгаген все пришло из сказки, прежде всего – королевские замки. Они такие, как дети строят из песка: башенки, штили, завитушки. Тысячу лет назад датская империя включала в себя Швецию, Норвегию и Англию. Потом пришел остроносый человек с «Дюймовочкой» и «Гадким Утенком» и одним махом заменил великое прошлое на уютное. Поневоле задумаешься: какие солдаты важнее – обыкновенные или оловянные? Александр Генис

Надежда, любовь и вера

В сказках Андерсена совсем нет надежды, а есть только любовь и, главное, вера. Впрочем, Детгиз украл веру у Андерсена: из всех изданий на русском языке, кроме академического, вычеркнуты любые намеки на христианство, которое было исключительно значимым для писателя. Перечитайте, к примеру, сказку «Снежная Королева». Начинается она со слов: «Жил-был тролль, злой-презлой, сущий дьявол». Снежная Королева – тоже дьявольское отродье, да и на службе у нее всяческая нечисть и нежить: «Это были передовые отряды войска Снежной Королевы. Одни напоминали больших безобразных ежей, другие стоголовых змей, третьи толстых медвежат со взерошенной шерстью. Но все они одинаково сверкали белизной, все они были живыми снежными хлопьями». Вопреки осколку зеркала злого тролля, попавшему в глаз и сердце Кая, мальчик безуспешно пытается сопротивляться Снежной Королеве: «Он хотел прочитать «Отче наш», но в уме у него вертелась одна таблица умножения». А вот сила Герды – в ее искренней и глубокой вере, благодаря которой маленькая девочка победила могущественную злую волшебницу. Еще ребенком «Герда пела псалом, а Кай подпевал: «Розы цветут, красота, красота, скоро узрим мы младенца Христа!» При встрече со снежными чудовищами «Герда принялась читать «Отче наш»; было так холодно, что дыхание девочки тут же превращалось в густой туман, что сгущался и сгущался, но... вот из него явились светлые ангелочки, которые, ступив на землю, выросли в больших грозных ангелов... Ангелы приняли снежных страшилищ на копья, и те рассыпались на тысячу кусков. Герда смело шла вперед; ангелы гладили ей руки и ноги, и ей не было уже так холодно». Когда Герда и спасенный ею Кай возвращаются домой, бабушка громко читает Евангелие: «Если не будете как дети, не войдете в царствие небесное!» И вот так заканчивается самая оптимистическая сказка Андерсена: «Кай и Герда сидели рядышком, оба уже взрослые, но дети сердцем и душой, а на дворе стояло теплое благодатное лето».

Теплый мир евреев

Как истинный христианин, Андерсен не мог быть – и не был! – антисемитом. Он дружил со многими евреями, а первой его любовью стала девочка по имени Сарра. Ганс не попал в обычную школу для неимущих и учился в еврейской школе Федера Карстенса, особо опекавшего талантливую мальчика. Андерсен знал еврейские обычаи, законы иудаизма и иврит. В 14 лет Андерсен приехал в Копенгаген в день еврейского погрома. Он видел, как преследовали евреев, жгли книги, били витрины... В 1866 году Андерсен побывал в Амстердаме на симфоническом концерте и записал в дневнике: «Я с грустью отметил, что не вижу тут сыновей народа, давшего нам Мендельсона, Ха-Леви и Мейербера, чьи блестящие музыкальные сочинения мы слушаем сегодня. Когда же я высказал свое недоумение по этому поводу, то, к своему стыду – о, если бы мои уши обманули меня! – услышал в ответ, что для евреев вход сюда воспрещен. У меня осталось тяжелое впечатление об унижении человека, об ужасающей несправедливости, царящей в обществе, религии и искусстве».

Еврейская семья Коллинов помогла юному драматургу получить образование в Копенгагене, добилась для него королевской стипендии, брала на себя многочисленные хлопоты и расходы. В конце жизни писатель сблизился с еврейским семейством Мелхиоров. В их доме он провел последние годы и здесь скончался. Он писал: «В день моего рождения моя комната украшена цветами, картинами, книгами. Я в доме моих друзей – семьи Мелхиоров. На улице светит весеннее солнце, и такое же тепло я чувствую в своем сердце. Я... понимаю, как велико счастье, которого я удостоился».

Музыка и сказка

Жизнь Андерсена была наполнена музыкой. Еще ребенком он изумительно пел, его приглашали в богатые дома и прозвали «Маленький соловей с острова Фюн». Повзрослев, он решил искать счастье в Королевском театре Копенгагена и снискал успех. Сначала юный Андерсен пел в хоре, затем был принят в певческую школу, а для себя и друзей пел всю жизнь, даже став знаменитым писателем. Любимой его песней была итальянская «Te voglio bene». Он написал восемь либретто, в том числе либретто двух опер своего друга композитора Хартманна – оперы «Ворон» и самой известной датской оперы «Маленькая Кирстен». Кроме того, он написал текст к нескольким музыкальным постановкам, а многие его произведения были положены на музыку еще при его жизни и стали неотъемлемой частью музыкальной культуры Дании, Европы, Америки и всего мира. Из музыкальных произведений на темы Андерсена наиболее известны творения Роберта Шумана, Эдварда Грига и Людвиг ван Бетховена. И еще большее число композиторов писали музыку, вдохновленные сказками и жизнью Андерсена: Эрик Корнольд «Принцесса на горошине», Игорь Стравинский «Соловей», Франк Лоссер «Ханс Христиан Андерсен», Сергей Прокофьев «Гадкий Утенок».

Самый современный мюзикл об Андерсене создан на основе его автобиографии «Моя жизнь – сказка»; музыку и текст написал Стивен Мерритт, песни – Стивен Шварц, режиссер – американец китайского происхождения Чен Ши Женг. Так уж случилось, что близкий друг Шварца, Филип Лазебник, автор мюзиклов «Покахонтас» и «Принц Египта», живет сейчас в Дании; вот через него Стивен Шварц и получил заказ на песни к мюзиклу в честь двухсотлетия Андерсена.

Самый новый балет на тему Андерсена – бродвейская постановка «Снежная королева»; музыка и текст Сюзен Бингхам, а декорации и костюмы, между прочим, Владимира Шпитальника.

Снимается кино

По числу экранизаций на русском языке Андерсен занимает четвертое место – после Чехова, Горького и Островского. Первая российская картина по Андерсену («Елка» Якова Протазанова) вышла в 1914 году. Следующие две экранизации Юрия Желябужского – в 1919-м: «Новое платье короля» и «Девочка со спичками». А дальше наступил долгий перерыв... Во время войны запустили в производство три фильма, два из которых («Снежная королева» и «Стойкий оловянный солдатик») не были сняты, а третий прошел незамеченным: картина Александра Мачерета «Свинопас» с молодым Юрием Любимовым в главной роли. Забавно: король на троне читает «Известия», волшебный горшочек играет «Итальянскую польку» Рахманинова... Все последующие постановки делались с оглядкой на Евгения Шварца: «Снежная королева», «Старая, старая сказка», «Дюймовочка» («Поели – теперь можно и поспать! Пospали – теперь можно и поесть!»). Часто вместо европейских свинопаса и пастушки с экрана глядели советские свинарка и пастух. Однажды появился романтический Андерсен в фильме великого мультипликатора Михаила Цехановского «Дикие лебеди». И вышли сразу две (и очень схожие) «Девочки со спичками» – в Белоруссии и в Узбекистане.

Эльдар Рязанов снял фильм по сценарию Ираклия Квирикадзе «Сказка моей жизни», основанный на автобиографии Андерсена. Рязанов рассказывает: «Свое название книга вполне оправдывает, события его жизни довольно сильно приукрашены. Он ведь был добрый человек и не хотел никого слишком огорчать своими откровениями. А в сказках ему все удавалось: слава, любовь, богатство, покой... Фильм снят на очень маленькие деньги: я ко многим ходил, меня все тепло встречали, радушно провожали, а денег как не было, так и нет. А ведь все эти чиновники, которые решают финансовые вопросы, они же на сказках Андерсена выросли. И на моих фильмах... Вот я и думаю: какие же дерьмовые фильмы я ставил, если на них выросло такое поколение».

Дети и сказки

Для детей сказка – это мир, страна, планета или просто божий свет, только другой, отдельный от мира, в котором мы живем. Ребенок играет в сказку, примеряет ее, репетирует свое будущее. Именно поэтому у каждого народа есть самая «своя» сказка, выражающая желанную судьбу. Так, самая американская сказка – «Золушка»; самая русская сказка – «По щучьему веленью»: Емеля, не слезая с печи, путешествует, воюет и женится (впрочем, это-то как раз на печи и делали), – а в скандинавских странах больше всего любят сказку «Гадкий Утенок». Казалось бы, что такое особенное, героическое сделал злосчастный утенок – вырос? Выжил? Дожил до лебединых крыл? А вот шведы и финны, норвежцы и датчане верят в справедливость по заслугам: Гадкий Утенок претерпел ненависть и изгнание, но сохранил способность любить и страстную жажду любви. Может быть в Скандинавии потому и нет расизма или антисемитизма, что всякий утенок там лебедем себя чувствует.

Нет сказок лучше тех, которые создает сама жизнь. Андерсен

Неизвестный Андерсен

По словам самого Андерсена мораль «Гадкого Утенка» такова: «Главное, что ты вылупился из лебединого яйца. А если бы ты был сыном селезня, то все равно превратился бы в гадкую утку!» Все потому, что бедный сказочник верил: его родной отец – датский король Кристиан Восьмой, который (воистину по-царски) одарил Андерсена стипендией на учебу. «Отец меня не забывает!» – повторял Андерсен...

В детстве самого Андерсена все гоняли, как гадкого утенка, и только девочка Сарра однажды подарила розу неуклюжему, неудачливому и некрасивому мальчику. Всю жизнь он об этом помнил – и писал сказки о розе.

Андерсен говорил: «Жить – значит, путешествовать». Он совершил около тридцати дальних путешествий, бывал в Германии, Франции, Италии, Греции, Африке, великолепно ездил верхом, отлично плавал.

Уже в 29 лет Андерсен признавался: «Я все еще невинен, но кровь моя горит...» Так и умер – девственником. Певица Йенн Линдт по прозвищу Соловей отвергла его. Зато появилась сказка «Соловей».

Андерсен боялся болезней, собак, незнакомцев, ограблений, зубной боли... Перед сном клал рядом записку: «Я жив!»

Андерсен отторгал прикосновения детей, но любил рассказывать детям сказки и истории. Перед смертью он попросил композитора Хартмана сочинить марш к его похоронам, подогнав ритм под детский шаг: пусть дети проводят его, пусть знают о его смерти...

Андерсен в Нью-Йорке

Дания очень маленькая, а Америка очень большая, поэтому великому Андерсену в Америке как-то уютнее: его памятник работы архитектора Отто Ландсмана и скульптора Джорджа Джобера стоит в Центральном парке на берегу маленького озера, в котором плещутся живые утки; а рядом со сказочником на отдельном постаменте стоит прекрасный бронзовый утенок. Летом по субботам актеры (даже звезды Голливуда) читают здесь вслух сказки Андерсена. Сказка Андерсена, отраженная в памятнике, по-английски называется *The Ugly Duckling* («Уродливый Утенок»). Слово *duck* в прямом смысле означает утка; в переносном – парень; *queer duck* – чужак; *dead duck* – бедняга; конченный человек; ничего не стоящая вещь; гроша ломаного не стоит; неудачник, «несчастненький». В разговорной речи слово *duck* еще употребляется в смысле голубушка, голубка, голубчик; душка, прелесть, чудо: *she is a perfect duck* – она просто прелесть, *a duck of a child* – чудо что за ребенок; а в спорте: игрок, не набравший ни одного очка. Наверное, не случайно это скопление противоречий в переводе...

А я вот что думаю о трудностях перевода и вообще о сказках Ганса Христиана Андерсена. Утенок этот – он ведь вообще-то совсем не гадкий, как перевели название сказки на русский, и даже не уродливый, как перевели на английский. Он просто очень большой. Он, можно сказать, *велик*. Как и сказочник, его придумавший.

*Его клевали, толкали и дразнили не только утки, но даже куры:
«Слишком велик!»
Андерсен «Гадкий Утенок»*

АПДАЙК: три большие тайны

В человеческом опыте прячутся три большие тайны – секс, искусство и религия.

Джон Апдайк

Советский Апдайк

Джон Апдайк, классик американской прозы, страстно любимый советскими интеллигентами, скончался в 2009-м году, а спорят о нем и о его произведениях все жарче.

Почти полвека тому назад советская интеллигенция была потрясена: на русском языке вышел роман Апдайка «Кентавр» в блистательном переводе Виктора Хинкиса. Чувства и мысли затравленного школьного учителя из американской глубинки сплетались с древнегреческим мифом о мудром кентавре Хироне (он же – простой школьный учитель) и оттенялись рассказом влюбленного и страдающего подростка – сына учителя. Роман показывал то, что мы все в свое время пережили (но о чем почти не писали – секс, религия, проблемы подростков, семьи, школы и так далее), и то, что казалось нам невозвратимым прошлым человечества (мифы). Ничего подобного в те самые шестидесятые годы мы не знали («Улисс» Джойса пришел к нам намного позднее, к тому же, признаемся, при чтении весьма утомлял). Небывало свободная художественная форма говорила также о свободе мысли и самовыражения. И мы уверовали в иного Апдайка, совершенно не соответствующего живому реальному автору, абсолютно в то время не загадочному и не модернистскому. Позднее, очень медленно и постепенно Апдайк немного приблизился к созданному нашим воображением образу – как в творчестве, так и в жизни.

Вместо лирического реалиста, меланхолически и тонко описавшего американскую провинцию, в русском сознании остался дерзкий авангардист, превративший быт – в миф, отца – в кентавра, литературу – в свободу.

Александр Генис

Истинный Апдайк

Да, Апдайк был не таким, как мы думали. Но, пусть и по-другому, он был уникален среди мятежных талантов 50-60-х годов. Он никогда не впадал в отчаяние; не был ни упрям, ни своенравен; не был ни революционером, ни мизантропом; не страдал ни алкоголизмом, ни наркоманией; ни с кем не ссорился. В политике исповедовал здоровый консерватизм. Он, единственный из всех писателей его поколения, завоевавших громкую славу смолоду, добивался успеха спокойно и методично, без суеты и шума. А ведь Апдайку, при безусловном его обаянии и одаренности, пришлось пережить множество унижительных неудач. В Принстон его вообще не приняли, а в Гарварде знаменитый профессор Мак-Лиш дважды отказался взять его в элитный литературный класс. После университета он не смог издать два первых своих романа. Только третий роман – «Ярмарка в богадельне» – принял в 1959 году издатель Кнопф. Но Апдайк упорно шел к цели и скрывал свои неудачи и переживания. Его целью был не просто успех, а успех в Искусстве. Он писал матери: «Я хочу быть художником, а не элегантным литературным подёнщиком».

Корни и крона

Джон Хойер Апдайк родился в 1932 году в городке Рединг, штат Пенсильвания. Написал 23 романа и 45 других книг: сборников рассказов, стихотворений, эссе. На протяжении многих десятилетий публиковал рассказы и рецензии в журнале *The New Yorker*. Лауреат ряда американских литературных премий, включая Американские литературные премии ПЕН/Фолкнер и ПЕН/Маламуд и две Пулитцеровские премии (за романы «Кролик разбогател» и «Кролик успокоился»), Национальную книжную премию за лучшее фантастическое произведение (в США при изобилии великолепных фантастов получить ее практически невозможно), Сент-Луисскую литературную премию и Хелмеричскую премию; получил также Национальную медаль США в области искусств, Национальную гуманитарную медаль США и премию «Общее благо» за выдающиеся заслуги перед обществом. Отец – школьный учитель (явно с него написан герой «Кентавра»), мать писала рассказы. Окончил с отличием Гарвардский университет, где изучал английскую литературу, а также курсы живописи в Художественной школе Рёскина Оксфордского университета в Англии. Вернувшись из Англии, работал в журнале *The New Yorker*, где и начал публиковать свои первые рассказы. Еще студентом женился на Мэри Пеннингтон, которая стала матерью его четырёх детей. Поселился с семьей в штате Массачусетс («Новая Англия»), в небольшом городе Ипсвич.

После публикации романа «Ярмарка в богадельне» в начале 1960-х гг. Апдайк становится одним из самых популярных писателей Новой Англии и с тех пор в среднем публикует по одной книге ежегодно. Каждый день пишет не менее трех страниц – и так всю жизнь. Однако активно участвует во всех общепринятых в 60-е годы развлечениях местного общества: коктейли, пикники, вечеринки, беспечные романы – все, что любовно, хоть и ядовито, описано в романе Апдайка «Супружеские пары» и многих его рассказах.

Книга, конечно, не о сексе как таковом. Она о сексе как стихийно возникшей религии – единственном, что им осталось.

Джон Апдайк, из интервью после выхода книги «Супружеские пары»

Местные женщины признавались, что переспать с Апдайком, тогда уже известным писателем, было для них серьезным предметом гордости. Однако неудивительно, что при таком неустанном веселье писатель после 21 года брака развелся с женой и вскоре женился на своей бывшей возлюбленной Марте Бернанд и оставался с ней (и с тремя ее детьми от первого брака) до самой смерти. Марта полностью отделила Апдайка от его старых друзей и ограничила его общение с родными, в том числе с его собственными детьми. Всю заботу она отдавала карьере мужа. Во многом благодаря ей Апдайк становится общепризнанным мэтром, получает литературные награды. Однако все свои лучшие произведения Джон Апдайк написал до того. Говорили, что язык Апдайка, казавшийся столь лёгким и оригинальным читателям 1960-х, позднее «загустел до самодовольства». Не случайно писатель ещё в 50 лет стал подводить итоги жизни, выпустив книгу мемуаров: вполне возможно, предваряя гипотезы и изыски будущих биографов и посмертных критиков, споря с ними и с читателями, что-то страстно доказывая, а что-то бесстыдно показывая. Однако известно, что зеркало никогда не показывает правду смотрящему: человек перед зеркалом всегда инстинктивно принимает наиболее выгодную позу.

Литературный стиль как образ жизни

Апдайк всегда считали одним из лучших стилистов, пишущих на английском языке, обладателем богатейшего лексикона. Стиль его романов приближается к стилю очерка или эссе, он характеризуется наличием множества описаний и авторского комментария. Действие его произведений обычно происходит в небольших городках на северо-востоке США, в среде протестантов из среднего класса – в его собственной жизненной среде. Его героев осаждают типичные для их круга проблемы семейного и религиозного свойства. Апдайку вообще свойственно внимание к чувственной стороне межполовых отношений и к христианской проблематике. Будучи безусловным реалистом, Апдайк ярко и детализированно фиксирует подробности окружающего мира. Своё предназначение он видел в том, чтобы придавать аморфной повседневности «причитающуюся ей форму прекрасного». Однако, следуя традиции любимого им Джойса, Апдайк иногда причудливо сочетает бытописание и миф, смело смещает временные планы, пытаясь ответить на вопрос, что же держит человека, есть ли у него прочная опора в современном хаотичном мире. Так, герой реалистически-мифологического романа «Кентавр» находит опору в любви и доброте, а герои простых реалистических произведений – повести «Ферма» и сборника рассказов «Голубиные перья» – в воспоминаниях детства. Любопытно, однако, что творческие личности, таланты почти никогда не интересовали Апдайка. Он подробно описывал свою бытовую среду, друзей и близких, семью и детство, но никогда не выбирал в качестве героя... себя как писателя.

*Пытаешься сказать правду, а получается одно расстройство.
Джон Апдайк «Кролик разбогател»*

Остановиться бы, оглянуться...

Крупнейшим вкладом Апдайка в сокровищницу американской литературы считается легендарная тетралогия о Гарри Энгстроме по прозвищу Кролик – персонаже, к которому великий писатель возвращался снова и снова. Писатель рассказывает о жизни обычного рядового американца из провинции, о сложностях его личной жизни и о крахе его иллюзий: «Беги, Кролик, беги» (1960), «Кролик вернулся» (1971), «Кролик разбогател» (1981) и, наконец, «Кролик успокоился» (1999). Герой этой саги, словно подчиняясь доносящемуся из детства крику тренера, всю жизнь от чего-то бежит: от надоевшего неуютного дома, от алкоголички жены, от неустроенности. Но от себя-то не убежишь, и он постоянно возвращается, так и не достигнув ускользающего идеала.

В школе Гарри Энгстром прекрасно играл в баскетбол, меткость его бросков стала легендой. Но взрослый Кролик рекламирует скучные кухонные приспособления, живет с нелюбимой женой, а воспоминания о былых спортивных подвигах лишь усиливают его тоску. Он садится в автомобиль и едет куда глаза глядят, словно надеясь вырваться из заколдованного круга житейских забот и неурядиц. Но не выдерживает и разворачивает машину, и это повторяется вновь и вновь... («Беги, Кролик, беги»). Вторая книга показывает бунт Гарри, заведомо обреченный и завершившийся разгромным поражением... («Кролик вернулся»). Далее Гарри не в силах бороться с судьбой, он плывет по течению: случайный секс вместо любви, лицемерие вместо семейной жизни, жажда накопительства вместо ненависти к мещанству... («Кролик разбогател»). Однако и к Кролику с возрастом приходят покой и мудрость, понимание и вера... («Кролик успокоился»). В этой интеллектуальной американской саге XX века воплотилась суть времени и места («одноэтажной Америки») – внутренний надлом «золотых пятидесятых», сексуальный бунт «неистовых шестидесятых», циничная жажда наживы и удовольствий «эгоистичных семидесятых» и переосмысление прошлого «консервативных восьмидесятых».

*Жуткая пустота ее глаз аккуратно обведена тушью.
Джон Апдайк «Кролик, беги»*

Мифы и фантазии

Прекраснейший сюрреалистический роман Апдайк – «Кентавр» – опирался на древнегреческий миф. За ним триумфально последовали «Иствикские ведьмы» – роман (впоследствии перешедший в диологию), который лег в основу оscarоносного фильма с Джеком Николсоном, великолепного мюзикла, нашумевших театральных постановок. В истории любви и ненависти циничного Дьявола и трех прелестных женщин из маленького сонного американского городка, оказавшихся ведьмами, победили, конечно, ведьмы... За год до смерти Апдайк написал роман «Иствикские вдовы»: похоронив мужей, ведьмы отправляются в родной город, не подозревая, какие удивительные события ждут их. В романе наряду с мотивом встречи с прошлым, с молодостью, пронзительно звучит мысль, что жизнь прекрасна и в старости.

На основе переосмысления всемирно знаменитых литературных произведений Апдайк пишет романы «Гертруда и Клавдий» и «Бразилия». «Гертруда и Клавдий» – предыстория «Гамлета», рассказанная будущей королевой, матерью принца. Убийца и изменница (по Шекспиру) оказываются разлученными на целую жизнь влюбленными, отказавшимися поверить, что лишены не только совместного прошлого, но и будущего. «Бразилия» – своеобразный эротический миф XX века, отражение легенды о Тристане и Изольде в кривом зеркале желаний, расцветающих в сердце южно-американского континента. Случайная встреча нищего черного юноши и белой дочери политика ведет к невероятным приключениям, растянувшимся на двадцать лет, когда герои меняются даже... цветом кожи и гибнут.

Уличные банды состояли из детей, безжалостных и безгрешных, как волки.

Джон Апдайк «Бразилия»

Снимается кино

Слава писателя Джона Апдайка велика, но масштаб ее нельзя и сравнить с успехом экранизаций его произведений: «Кролик, беги», «Музыкальная школа», «Слишком далеко идти», «Сосед по комнате», «Голубиные перья», «А & Р» и три фильма «Иствикские ведьмы», первый из которых до сего дня остается недосягаемым.

Три большие тайны?

Если заменить религию на Веру, искусство на Надежду и секс на Любовь, то «три большие тайны в человеческом опыте» сводятся к этим трем христианским (по сути общечеловеческим) добродетелям. Может быть, в том и кроется секрет писателя Джона Апдайка (такого абсолютно свободного, такого хиппующе раскованного, такого чисто американского), что он в глубине души считал Веру, Надежду и Любовь главнейшими в жизни людей и в его собственной жизни и смерти?

*Мы чтим богов не за их дела, – сказал он, – а просто за то, что они боги.
Джон Апдайк «Гертруда и Клавдий»*

БЕЛЯЕВ: «Живая нить русского начала»

Главной задачей русского офицерства (кроме военных действий, конечно) являлось развитие военной мысли. Но выпускники кадетских корпусов и военных училищ прославились во всех областях отечественной науки и культуры, в особенности – в географических исследованиях суши и моря. Одним из самых талантливых и преданных делу и отчизне российских армейцев был генерал Иван Тимофеевич Беляев.

Военная косточка

Иван Беляев родился 19 апреля 1875 года в Санкт-Петербурге, в казармах Лейб-гвардии Измайловского полка, где служил его отец. Его прадед – Леонтий Трефурт, дипломат екатерининской школы, – был адъютантом Суворова и принимал участие в Итальянском походе. Другой прадед – контр-адмирал Андрей Эллиот, потомок старинного шотландского рода, – приехал в Россию по приглашению Екатерины II для воссоздания российского флота и отличился в сражениях при Чесме и Наварине. Естественно, Иван Беляев поступил учиться в кадетский корпус.

В доме Беляевых тепло принимали и «штатских»: писателей Ивана Тургенева и Дмитрия Григоровича, поэта Александра Блока, географа – академика Сергея Ольденбурга, композитора Михаила Глинку.

Иван рано потерял родителей; в детстве важнейшей частью его жизни были приключенческие романы Майн Рида и Фенимора Купера, которыми тогда зачитывались русские подростки. На чердаке усадьбы, в архивах прадеда Иван нашел старинную карту Асунсьона – столицы Парагвая, позже прочел о битвах Парагвая за независимость. В кадетском корпусе интерес к жизни далеких стран Латинской Америки и их жителей захватил его столь же страстно, как и военные дисциплины. Он самостоятельно изучал географию и антропологию, испанский язык, даже был принят в Императорское Географическое общество, где лекции Петра Семенова-Тяньшаньского и пример Николая Миклухо-Маклая звали к открытиям. По окончании военного училища Беляев получил отпуск на Кавказ для поправки здоровья, где написал свой первый научный труд «На земле хевсуров».

Дальше была война

В начале XX века, когда Беляев вернулся с Кавказа в Петербург, пережив внезапную смерть молодой жены и поражение России в войне с Японией, он погрузился в подготовку реформы военного дела в России. Результатом стал составленный им Устав горной артиллерии. Вскоре Беляев женился вторично – на купеческой дочери Александре Захаровой, с которой всю жизнь счастливо прожил. Вот только из гвардии мужу купчихи пришлось уйти.

Накануне первой мировой войны Беляев поступает на службу в I Кавказский стрелково-артиллерийский дивизион. В боях на Карпатах был представлен к Георгию «за спасение батареи и личное руководство атакой». Участвовал в знаменитом «Брусиловском прорыве». Однако грянул 1917 год, и Беляев, произведенный в генерал-майоры, воочию видит разложение армии, погубленной «митингами и анархией». В марте 1917 года на вокзале в Пскове унтер с взводом солдат потребовал у генерала снять погоны. Беляев ответил: «Дорогой мой! Я не только погоны и лампасы, я и штаны снимаю, если вы повернете со мною на врага. А против своих не ходил и не пойду!» Однако, пошел... Через Дон, Кавказ и Крым, Новороссийск и Константинополь.

Генерал Романовский предложил ему должность начальника артиллерии. Врангель отзывался о Беляеве как о человеке «прекрасной души», «храбром и добросовестном офицере». У Деникина Беляев занимался снабжением армии, однако вскоре был отозван с поста, поскольку запрещал грабить крестьян. При командующем Добровольческой армией генерале Кутепове Беляев управляет всем артиллерийским хозяйством. Пик успеха летом-осенью 1919 года оказался предвестником катастрофы. В ноябре артиллерия Беляева прикрывала отход из Харькова корпусов Май-Маевского. В 1920 Беляев эвакуирован из Новороссийска. После пребывания в Галлиполи выехал в Болгарию, в 1923 году – в Аргентину, в 1924 году – в Парагвай.

Патриотическая эмиграция

В начале XX века в Аргентину устремился массовый поток эмигрантов из России, и к 20-м годам русская колония превратилась в замкнутый мир, где люди жили своими внутренними интересами, читали свои газеты и молились своему Богу.

Беляев, благодаря покровительству баронессы Жессе де Лева, покойный муж которой был добрым знакомым отца Ивана Тимофеевича, в Буэнос-Айресе преподавал немецкий и французский языки в колледже, писал на испанском о русской революции. Но мечтал он о создании «Русского очага» на южноамериканской земле. Пытался. Встретил яростное сопротивление русских старожилов Аргентины. И направился в Парагвай.

Столица страны Асунсьон напоминала Владикавказ: пять автомобилей, одна мощная улица, трамваи и электричество, несколько магазинов. Беляев призвал русских приехать в Парагвай и создать там национальный очаг, чтобы сохранить детей от гибели и растреления. Президент Парагвая согласился создать в стране русское «культурное ядро». Беляеву поручили организовать приезд двенадцати русских специалистов для восстановления экономики Парагвая, которым гарантировали жалованье депутата парламента. Откликнулись инженеры Шмагайлов и Пятицкий, путеец Абраменко, конструктор Маковецкий, геодезист Аверьянов, инженеры Серебряков, Снарский, Яковлев и Воробьев. Однако Иван Тимофеевич вскоре понял, что прежде русским придется защищать свою новую страну...

Военная география

Со времен конкистадоров Боливия и Парагвай вели спор из-за огромной неисследованной области Чако Бореаль.

В октябре 1924 года военный министр Парагвая Луис Риарт приказал Беляеву разведать район, подготовить генеральную карту с местами для расположения оборонительных сооружений и представить детальный доклад в Министерство обороны. Беляев хотел выполнить задачу, изучая индейцев Чако и помогая им. Из-за сложности и опасности задачи Риарт объявил, что «при несчастном случае члены экспедиции приравниваются в правах к раненым (или убитым) на войне, а члены их семей – к членам семей раненых (или убитых) на войне».

Всего было 13 экспедиций в Чако, в которых, кроме военнослужащих Парагвая и индейцев-проводников, принимали участие и русские: братья Игорь и Лев Оранжеевы, капитан инженерных войск Орефьев-Серебряков, сын известного русского полярника, участника первых рейсов ледокола «Ермак» Георгия Экштейна Александр Экштейн. Беляев и его спутники нанесли на карту обширнейшие участки неведомой территории, вошли в контакт с племенами, полностью оторванными от цивилизации, и разоблачили зловещие легенды, копившиеся вокруг них. Территория Чако перестала быть загадкой. Парагвай обосновал свои права на Чако Бореаль, основываясь на открытиях «отважного ученого, которому Парагвай обязан многим».

Иван Беляев изучил язык индейцев макка и чамакоко, перевел на русский язык большую поэму «Амормелата» («Великий потоп»), записал устные сказания и начал долгую битву за права индейцев.

Но грянула ожидаемая генералом новая война.

Чакская война

Столкнулись Боливия и Парагвай. На стороне Парагвая воевали около трех тысяч русских офицеров и солдат. Боливия возлагала особые надежды на германского генерала Ганса Кундта. Его соратниками были полковник Кайзер, капитаны Брандт и фон Криес, начальник Генштаба боливийской армии генерал фон Клюг. Однако боливийцы и под немецким руководством терпели поражение за поражением: Беляев, назначенный начальником Генштаба парагвайской армии, хорошо знал тактику германской армии по опыту первой мировой войны. Он создал укрепрайоны, оснащенные минометами и пулеметами и окруженные минными полями и колючей проволокой. И пока босоногие парагвайские солдаты маршировали на запад, распевая русские солдатские песни, переведенные Беляевым на испанский и гуарани, сам Беляев сопровождал в поездке по Чако специальную комиссию Лиги Наций по примирению. В июне 1935 года было подписано перемирие.

Американский наблюдатель Дэвид Зук называет Беляева «несравненным», отмечая, что именно его командование войсками Парагвая решало ход и исход войны.

Иван Беляев и другие русские добровольцы отстояли независимость Парагвая в Чакской войне и сорвали планы нацистской Германии упрочить свое влияние в центре южноамериканского континента. Когда Гитлер повернул свои дивизии на СССР, в домах парагвайских русских висели рядом портреты царя Николая Второго и маршала Жукова; русские люди молились за Победу.

В Асунсьоне и других городах страны многие улицы носят имена русских воинов: Команданте Беляева, Команданте Саласкина, Команданте Канонникова, Офисьеро Серебрякова. Есть улица России. Есть город Фортин-Серебряков, где стоит памятник генералу Беляеву.

Конец утопии

Наконец русский генерал приступил к осуществлению мечты о «Русском очаге» в Парагвае – «духовном пристанище для сотен тысяч изгнанников с родной Земли, где обычаи, религия и вековая культура их Родины могла бы сохраниться как в ковчеге до лучших времен».

В конце 1933 года в Париже по инициативе Ивана Беляева, его брата Николая и парагвайского консула Хуана Лапьера был создан «Колонизационный центр по организации иммиграции в Парагвай» под председательством атамана Африкана Богаевского. Начала выходить газета «Парагуай», провозгласившая: «Европа не оправдала наших надежд. Парагвай – страна будущего». Для русских колоний выделили земли в междуречье рек Парагвая и Параны. К концу 1934 года в Парагвай отправились шесть групп эмигрантов. Но эмигранты не получили обещанного: выдавали только ножи-мачете, а топоры и молотки приходилось выписывать из Аргентины. Освоив азы языка, люди уезжали в Аргентину, Бразилию и Уругвай. Прежняя эмигрантская верхушка компрометировала идею. Так, более тысячи семей русских староверов и казаков из Прибалтики, хотевших попытать счастья на земле Парагвая, были перехвачены обществом «Русская эмиграция в Африку».

После распада колонии всем вернувшимся в Асунсьон Беляев выхлопотал квартиры и документы и помог устроиться на службу. Многие пошли в армию и дослужились до высоких чинов.

Не воплотилась в жизнь идея «патриотической эмиграции». Однако, как пишет Беляев: «Остались тысячи русских интеллигентов, честью устроившихся в Парагвае или расселившихся по Аргентине, Уругваю, Бразилии, и двадцать тысяч крестьян, нашедших здесь спасение... Поля, дома, хутора, скот – их тяжелый труд не пропал даром. И от этих людей я не слышал иного, кроме искреннего приветия и благодарности».

Белый Отец из клана Тигров

Со времен юности Беляев стремился изучать и защищать индейцев – «бронзовокожих детей пустыни». Пришло время и для этого.

В ноябре 1936 года Иван Беляев был назначен директором Национального патроната по делам индейцев и написал «Декларацию прав индейцев». Он считал, что индейцы от природы «свободны как ветер», не делают ничего по принуждению и должны сами быть двигателем собственного прогресса.

В 1940 году была создана Ассоциация индеанистских исследований Парагвая (АИИП). В распоряжение АИИП передали земли на берегу реки Парагвай для обустройства первой индейской колонии-школы «Бартоломео де Лас Касас», директором которой стал Иван (Хуан) Беляев. Позже Беляев получил титул Генерального администратора индейских колоний в Парагвае и посвятил последние годы жизни просвещению и защите прав индейцев, заменивших ему собственных нерожденных детей.

Беляеву принадлежит теория об азиатской прародине коренных жителей Американского континента, подкрепленная записями фольклора индейцев мака и чамакоко. Ряд трудов Беляев посвятил религии индейцев, увидев схожесть их верований с ветхозаветными сюжетами, глубину их религиозного чувства.

В клане Тигров его провозгласили вождем. Беляев был менее всего похож на тигра, недаром жена ласково называла его Заинькой... Однако индейцы лучше понимали его душу.

На похоронах Беляева в 1957 году индейцы пели «Отче Наш» на родном языке (как научил их Беляев). На его могиле простая надпись: «Здесь лежит Беляев».

Парагвай и ныне помнит заслуги генерала Беляева перед новой родиной, в историю которой, по собственным его словам, с тех пор «навсегда вплелась живая нить русского начала».

Продолжение

Правнучатый племянник генерала Беляева, молодой и разносторонне талантливый Дмитрий Беляев живет и работает в Санкт-Петербурге. Занимаясь разработками в сфере высоких технологий, он много пишет и глубоко изучает историю своего рода. Растит сына. Род Беляевых продолжается!

ВИНЧЕСТЕР: Семейное проклятье

Оливер Винчестер – американский промышленник, вошедший в историю как создатель винтовки; тоже вроде как творец, воплотивший самые смелые мечты малоизвестного изобретателя в жизнь, а каждый выстрел – в чистое золото. Но великое богатство Винчестера принесло его роду таинственное проклятье.

Родоначальник

Оливер родился в 1810 году в Бостоне, штат Массачусетс. Отец умер рано; детство Оливера прошло в бедности и тяжком труде: батрак на ферме, грузчик на складе, плотник на стройке... Взяв в долг деньги в банке, он открыл небольшой магазинчик мужской одежды и обрел истинный интерес в жизни: бизнес. Процветание Винчестера началось с конвейерного производства рубашек (умно и вовремя запатентовал технологию). Но воистину серьезные деньги пришли к Винчестеру, когда он объявил миру о выпуске новой магазинной винтовки – «генри», в честь ее изобретателя Бенджамена Генри. Слегка усовершенствовав это оружие, Оливер дал ему свое имя и открыл новое производство, получив вскоре грандиозный правительственный заказ. Благодаря рычаговому механизму загрузки пуль в казенную часть «винчестер» стрелял каждые три секунды и долгое время не знал себе равных. Разбогатев, Оливер Винчестер был избран вице-губернатором штата Коннектикут; увлекся благотворительностью, поддерживал Йельский университет, многие научные исследования и изобретения. Жил спокойно; умер легко. Страшные сны не мучили его.

Дети и внуки

Громадное состояние унаследовал сын Оливера Вильям, взявший в жены красивейшую невесту Коннектикута – Сару Парди. У молодых Винчестеров родилась дочь Энни, но вскоре девочка тяжело заболела и умерла, вслед за ней туберкулез унес Вильяма. Сара Винчестер стала обладательницей состояния в двадцать миллионов (тогда это были невероятные деньги) и владелицей половины акций оружейной компании Винчестера, приносящей прибыль около 10 тысяч долларов в день. Но чувствовала она себя одинокой, несчастной, полубезумной из-за панического страха смерти и постоянного ожидания ее. Однажды Сара спросила циркового прорицателя о судьбе своей семьи. Тот поведал, что на семье Винчестеров лежит проклятье тысяч безвинных людей, погибших от пуль «винчестеров» в разных уголках земли. Их мятущиеся души жаждут отмщения и велят Саре двинуться на запад и там построить новый дом – убежище для озлобленных мертвых душ, причем немедленно по окончании строительства Сара умрет. Сара поверила.

Строительство

Под наблюдением духов Сара купила дом в Санта-Кларе, снесла его и начала возводить новый необыкновенный особняк. Не было ни плана строительства, ни проекта, ни единого решения. Каждое утро Сара встречалась с руководителем строительства и давала указания, что сделать за день. Новые комнаты неуклюже соединялись с остальной частью дома. За дверьми часто находилась глухая стена; бесчисленные лестницы вели в никуда; длинные изогнутые коридоры упирались в бесконечные анфилады комнат. В некоторых спальнях стояли каминны, всего то ли 45, то ли 47. Внутри дома соорудили лифты, на крышу вывели люки прямо из комнат. Ложные трубы украсили крышу: Сара верила, что теперь привидения не попадут в дом. Снаружи пристроили десятки пожарных лестниц. Год за годом этаж возводили над этажом, крыло присоединяли к крылу... Различные части дома имели разное количество этажей, от одного до семи. Планировка дома была настолько запутанной, что даже руководители строительства иногда с трудом отыскивали выход. Сара уверовала в мистические свойства числа 13: якобы оно отпугивает духов зла и лишает силы недобрых людей. Окна в ее доме состояли из 13 стекол, паркетные полы – из 13 секций, стены – из 13 панелей, лестничные пролеты – из 13 ступеней, крышу венчали 13 куполов. Тринадцать лифтов соединяли части дома; каждый поднимался и опускался только на один этаж.

Жизнь и смерть Сары Винчестер

Сара целыми днями бродила по дому, а бессонными ночами играла на фортепьяно. Кажется, она обрела смысл жизни. Но в 1906 году в Сан-Франциско и его окрестностях разразилось землетрясение. Верхние три этажа семиэтажного крыла Винчестер-хауса рухнули. Однако работа над домом закипела снова. Сара потребовала внутри и даже снаружи дома укрепить множество зеркал, веря, что духи боятся своего отражения; приказала соорудить потайные ходы, чтобы незаметно исчезать из комнаты и неожиданно появляться в противоположном конце здания. Она надевала платья одно на другое, чтобы быстро менять облик... Почти сорок лет строители работали в три смены, 24 часа в сутки, без перерывов, не останавливаясь ни на минуту. Но пришел конец и их трудам. Как только последний рабочий покинул дом, Сара – как и было предсказано – умерла от сердечного приступа. Ей было 83 года; почти на полвека она обманула судьбу и семейное проклятье Винчестеров.

Новые времена

Миссис Винчестер оставила все имущество, в том числе дом, племяннице – Френсис Марриотт. Со временем наследники продали дом предпринимателям, желавшим превратить его в туристический аттракцион. Но даже составить план здания оказалось непросто. Сначала в доме насчитали 148 комнат, потом 160, потом 152 (главным образом из-за различной высоты этажей в разных частях дома). Наконец, усадьбу Винчестеров объявили исторической архитектурной достопримечательностью (landmark): «странным строением с неизвестным числом комнат»; вот тут-то народ и ринулся в Винчестер-хаус. От туристов нет отбоя, усадьба (и судьба) проклятого рода приносит городу приличный доход. Атмосфера дома действительно необычна, что-то странное ощущают многие туристы. Говорят, здесь живут привидения; часто видят призрак Сары Винчестер. Сара боялась фотосъемок, чтобы опять-таки не привлечь силы зла. Но некий хитроумный слуга из-за кустов сфотографировал-таки хозяйку. Только по этой фотографии и можно узнать привидение миссис Винчестер, когда оно является к живым. А еще в усадьбе встречаются привидение мужчины – то ли сам Оливер Винчестер, то ли сын его Вильям.

...

Я приехала в Санта-Клару в ясный сентябрьский полдень. Погода стояла сказочная; только в Калифорнии осенью так сияют небеса. В саду Винчестеров кусты цвели золотом и пурпуром; деревья вознеслись над красной черепицей крыши; ядовитый плющ укрывал стены. Туристы заглядывали в сумрачные окна Винчестер-хауса; дети, вопя, охотились на призраков. Наконец двери раскрылись, и толпа, болтая и хихикая, ввалилась в дом.

– Пожалуйста, не говорите громко, – заметила экскурсовод, – привидения этого не любят.

Нашла кого пугать, подумала я. Тем не менее, народ попритих. Мы брели по лабиринту коридоров и комнат; открывали двери, ведущие в никуда; тряслись старомодных лифтах и трогали ледяную облицовку каминов. Дрожь пробирала самых стойких.

Из записей посетителей Винчестер-Хауса в гостевой книге

Я чувствовал, что за мной кто-то крадется, а в спальне Сары увидел красный свет в пустом камине, и ледяной холод пробрался под мою кожаную куртку. Дуглас МакДауэлл

Что-то меня как схватит, да как бросит на пол! Дедушка даже закричал. Хью из Огайо

Я, конечно, не верю в привидения, они бывают только в кино и в компьютере. А тут стоят прямо рядом. Мне вдруг стало так печально... Джулия Брендайз

Мы вошли, а дверь вдруг закрылась, и вся группа изо всех сил навалилась и открыла ее – а там никого. Шон из города Нэшвилл

В ноябре 2008 года на экскурсии по Винчестер-Хаусу мы вошли в Daisy bedroom. Меня начало трясти, сердце останавливалось, я теряла сознание. Я всегда была вполне здравомыслящей, но здесь нет никакого разумного объяснения. Лори из Канады

Зато в магазинчике сувениров все как у людей – чашки, футболки, бейсболки, игрушки, картины, открытки... Мертвые души, невинно убиенные из грозных «винчестеров», молчат. И верно: мы же оружие не изобретали, ни в кого не стреляли, даже на конвейере не собирали... Для нас нынче слово «винчестер» означает мирный компьютерный накопитель. Но вдруг чьи-то души сочтут себя погубленными из-за деяний современных компьютеров и проклянут их создателей?..

У ворот образовался затор: туристы спешили к солнцу. Дети хвастались сувенирными медными «пенни», раскатанными в овал; взрослые обменивались впечатлениями: «Невелик домик для таких миллионов», «Как она тут спала вообще, вдовица-то», «Так она и не спала, ночами на рояле играла», «Зато пожила неплохо – 83 года», «И это жизнь?!»

Садясь в автобус, я оглянулась. Винчестер-хаус был молчалив; но внезапно в круглом чердачном окне женская фигура в длинном белом платье подняла прозрачную руку. Я же видела, только что видела своими глазами, что это окно намертво заделано кирпичом! Но все-таки верю, что сама Сара Винчестер прощалась со мной, почувствовав наше душевное сродство, – одинокая, но не сломленная; по-американски, трудом и верой, на полвека обманувшая смерть и семейное проклятье.

ГОТОРН: Расплата

Натаниель Готорн – один из первых и наиболее известных в мире американских писателей. С юности Готорн был сумрачен и нелюдим; он стыдился своих жестоких предков – пуритан, участвовавших в «охоте на ведьм» в Салеме, – и считал неизбежной свою расплату за их грехи.

США на рубеже XVIII – XIX веков

Могучий поток пионеров двинулся на Запад страны и в течение всего XIX-го столетия отодвигал границы. Чем дальше человек продвигался на Запад, тем меньше в нем оставалось европейского, тем больше появлялось новых – американских – черт, соответствовавших нетронутой природе и суровой жизни: презрения к условностям, веры в себя, изобретательности, выносливости, упорства и силы. Первопоселенцев называли «христиане с кулаками».

Вторая треть XIX века остудила патриотизм многих американцев. Политика президента Эндрю Джексона привела к экономической депрессии, религиозному подъему и расцвету общественных движений; в первую очередь – движения за отмену рабства, аболиционизма.

Тогда же в Новый Свет ринулись иммигранты из Ирландии и Западной Европы и за двадцать лет население страны выросло с 16 до 36 миллионов человек. Но сельские жители массами двинулись в города; фермерские дома опустели, расчищенные земли снова покрылись лесом и выглядели, как заметил Герман Мелвилл, словно «опустошенные чумой и войной».

Салемские предки и их наследие

Натаниэль Готорн родился в 1804 году в одном из первых городов Новой Англии – Салеме, штат Массачусетс. Портовый Салем был основан в 1628 году на том самом месте, где с оружием в руках встретились рыбаки, кутившие табак, и пуритане, считавшие табак забавой дьявола. К счастью, разошлись они мирно, а потому город Салем обрел свое название от древнееврейского слова «Шолом» – мир.

Предки Натаниэля известны как первые колонисты Массачусетского залива в 1630 году. Прапрапрадед Уильям и его сын Джон прославились как ревностные пуритане: Уильям жестоко преследовал квакеров (их, виновных только в исповедании иной христианской веры, наказывали сорока ударами хлыста на площади); Джон, по прозвищу «бич ведьм», председательствовал на знаменитых салемских процессах и, как гласило семейное предание, был проклят одной из осужденных им женщин; а всего судья Джон обрек на смерть 16 женщин, трех мужчин и двух черных собак. Отец Натаниэля, капитан торгового судна, погиб в море; вдова с тремя детьми перебралась к своим родителям и в последующие сорок лет почти не покидала свою комнату. Натаниэль рано пристрастился к чтению и развил, по его выражению, «проклятую привычку к одиночеству», которую частично нарушили годы обучения в Бодуинском колледже в штате Мэйн. Соучениками Готорна были будущий поэт Генри Лонгфелло и будущий четырнадцатый президент США Франклин Пирс. Готорн же ничем, кроме прекрасной хрупкой романтической наружности, не выделялся (сокурсники считали его «красивее лорда Байрона»).

По возвращении в Салем к матери и сестрам он вернулся и к прежнему образу жизни: дальние прогулки, запойное чтение книг по истории пуританской Новой Англии, готических романов и английской литературы XVIII века. Тогда же он начал писать.

Любовь на всю жизнь

К своему счастью, Готорн познакомился с образованным и прогрессивным семейством Пибоди: со старшей дочерью Элизабет Готорна связывали издательские дела, а с младшей, двадцатилетней Софией, которую жестокие приступы мигрени сделали затворницей, его соединили пламенная любовь и родство душ. София Пибоди стала впоследствии женой Готорна и матерью его троих детей.

После романтической помолвки и тайного брака Готорн четыре года зарабатывал деньги для будущей семьи, служа на бостонской таможне. После, ненадолго увлекшись трансцендентализмом, он примкнул к «Брук Фарм» – фурьеристской коммуне, сочетавшей физический труд с духовной культурой. Днем Готорн работал в поле, в лесу и на скотном дворе, а по вечерам с упоением участвовал в беседах на философские и на моральные темы. Однако вскоре разочаровался и покинул общину.

Несмотря на финансовые трудности, брак оказался исключительно счастливым: «Я женат на Весне, я повенчан с Маем!» – восклицал Готорн. Супруги обосновались в Конкорде, центральном городе Новой Англии; узкий круг их знакомств составили трансценденталисты Ральф Уолдо Эмерсон, Маргарет Фуллер, Генри Торо, Уильям Эллери Чэннинг, Бронсон Олкотт, позднее – Герман Мелвилл. При полном семейном согласии Готорны, переезжая на новое место, за редчайшим исключением всегда оставались в пределах Новой Англии, штат Массачусетс: Салем, Леннокс, Бостон, Конкорд.

Успех

Первый свой роман («Фэншо») Готорн считал абсолютно неудачным и в начале 1830-х обратился к краткой прозе; его первый сборник новелл «Дважды рассказанные истории» вызвал искренний восторг маститых Генри Уодсворта Лонгфелло и Эдгара Аллана По.

Годы начала Американского Ренессанса оказались для Готорна наиболее плодотворными. За несколько месяцев он пишет свой самый знаменитый роман «Алая буква» (1850), вслед публикует романы «Дом о семи фронтонах» (1851) и «Счастливый дол» (1852), а также две книги детских сказок, основанных на древнегреческой мифологии: «Книгу чудес для мальчиков и девочек» (1851) и «Тэнглвудские истории для мальчиков и девочек» (1852). Репутация писателя в Америке и Европе была настолько высокой, что его ставили в один ряд с сэром Вальтером Скоттом и Чарльзом Диккенсом; он впервые начал зарабатывать сочинительством достаточно, чтобы содержать семью и купить дом в Конкорде. Готорн обрел не только миллионы читателей, но и множество почитателей среди молодых литераторов. Один из них, Герман Мелвилл, даже поселился рядом и посвятил Готорну «в знак преклонения перед гением» свой знаменитый роман «Моби Дик».

Наследие Готорна обширно и разнообразно, включает различные прозаические жанры: роман, классическую новеллу, новеллу-сказку, эссе, скетч, очерк.

Роман «Алая буква» прославил имя Готорна в Америке и Европе. С исторической точностью воспроизводит писатель суровый мир пуританской теократии XVII века. Молодая женщина Гестер отдана в жены старику ученому, который исчез на два года. За это время она полюбила священника Димсдейла и родила от него дочку, но сохранила имя Димсдейла в тайне. Общественный суд выставляет ее на эшафоте и заставляет всю жизнь носить вышитую на платье букву «А», начало постыдного слова «adulteress» (прелюбодейка, распутница). Внезапно вернувшийся муж раскрывает тайну Димсдейла и искусно разжигает в нем муки раскаяния, приводя к гибели. В сильном, страстном и отважном образе Гестер Готорн впервые в истории воспел идеал американской женщины.

«Дом о семи фронтонах» развивает тему несправедно добытого богатства, которое не приносит счастья. Полковник Пинчен обвиняет бедняка Моула в колдовстве, чтобы присвоить его землю. Но предсмертное проклятие невинно казненного Моула губит род Пинченых в нескольких поколениях. Кара прекращается только после гибели последнего преступного стяжателя.

В «Счастливом доле» Готорн вспоминает о фурьеристской общине Брук Фарм. Несколько энтузиастов хотят перестроить мир на началах всеобщей любви, но, как говаривал Марк Твен, «Не сражайтесь с окружающим миром: он всегда побеждает». Увы, герои романа обречены, будучи плотью от плоти того самого аморального мира, который они жаждут пережить.

Несчастливые времена

Но именно тогда, после написания Готорном своих главных произведений, его бывший сокурсник по Бодуинскому колледжу Франклин Пирс, только что избранный президентом США, назначил Готорна американским консулом в Ливерпуле. Служебные обязанности отвлекали писателя от литературной деятельности; впрочем, он везде вел записные книжки и на их основании потом создавал сюжеты и характеры. Так, художественным итогом его пребывания на дипломатическом посту явилась книга очерков «Наша старая родина». По окончании консульского срока Готорн с семьей отправился на два года в Италию, где написал свой последний законченный роман «Мраморный фавн». Готорны вернулись в свой дом в Конкорде меньше, чем за год до начала Гражданской войны.

Во время войны Готорн, всегда осуждавший рабство, занял неожиданную позицию, не принимая фанатизма ни с той, ни с другой стороны. О прославленном Джоне Брауне, одном из первых белых борцов против рабства, сказал: «Еще никого не вешали так справедливо». Джон Браун, потомок пуритан-янки, искавший вдохновение в Ветхом Завете, а не в Новом, руководствовался примером ветхозаветных пророков и воинов, не щадя ни своей, ни чужой жизни во исполнение воли Господней. Для Готорна же насилие, даже во имя правого дела, было неприемлемо, тем более, его глубоко печалило то, что нация «воюет сама с собой». Друг его, бывший президент США Франклин Пирс, отвергал освобождение рабов как противоречащее конституции и был заклеен как предатель. Одинокий и ожесточенный, Пирс умер четыре года спустя после окончания войны. Готорн, абсолютно не разделявший взгляды Пирса, тем не менее посвятил другу свою новую книгу «Наш старый дом»; это посвящение погубило репутацию Готорна и разрушило его с великим трудом обретенную славу.

Готорн все больше падал духом и слабел физически, едва мог держать перо в руке. Он начинал, но не закончил работу над четырьмя новыми романами. Для восстановления сил его вывезли весной в Плимут, штат Нью-Гэмпшир, на побережье, где он внезапно и тихо умер во сне в возрасте шестидесяти лет.

Власть истории и история власти

Все творчество Готорна (даже те немногие произведения, антураж и действие которых удалены от американской действительности), неразрывно связано с Новой Англией, где писатель безвыездно провел пятьдесят из шестидесяти лет своей жизни. На этом фоне разворачивается действие романа «Алая буква», многих рассказов Готорна: «Кроткий мальчик», «Седой заступник», «Эндикотт и красный крест», «Майский шест на веселой горе», а также его сказок: «Молодой Браун» и «Хохолок».

Готорн вольно обращался с историческим материалом, храня верность не фактам, но духу эпохи. Это романтическая историография, знакомая читателям по романам англичанина Вальтера Скотта и американцев Вашингтона Ирвинга и Джеймса Фенимора Купера. Своеобразие Готорна заключается в использовании новоанглийского устного творчества – повестей, преданий, рассказов времен «охоты на ведьм», в которых ярко запечатлелись особенности пуританского сознания. Да и сам Готорн, с детства живший в атмосфере семейных легенд, был одним из носителей новоанглийской устной традиции. Для него прошлое оказалось тесно спаянным с настоящим. Готорн ясно видел пороки прошлого – фанатизм и жестокость, но считал, что вместе с тем «железные пуритане» обладали цельностью, простотой, мужеством и неподкупностью, утраченными их потомками.

Готорн говорил, что часть его произведений посвящена истории, часть – современности и часть – вечности. Однако интерес Готорна всегда сосредоточен на человеке; природа, история и бытовые реалии увиденны глазами героев. В соответствии с идеями романтического гуманизма Готорн видел в душе человеческой и злые, и добрые помыслы вперемешку, и только в самой глубине обнаруживал побеги чистого добра – истинной природы человека. Готорн верил, что «братья во грехе» помогут друг другу... когда-нибудь.

Одна буква

Выбирая литературный псевдоним, Готорн добавил одну букву в родовое имя: Nathorne заменил на Hawthorne (боярышник, национальный цветок Америки). Обладая болезненно обостренной совестью и богатым воображением, он постоянно помнил о «проклятом наследии предков»; отсюда родились многие темы и образы его произведений. Как единственная буква полностью изменила значение имени Готорна, почти не изменив его написание, так изменили и его личность внутренние духовные переживания, происходившие на практически неизменном географическом фоне. Недаром истории, придуманные Готорном в детстве для сестер, всегда заканчивались фразой: «И я так никогда и не возвратился домой вновь». Возможно, вечные скитания вдали от дома казались Готорну самой страшной расплатой за любые грехи, а потому героиня его лучшего романа «Алая буква» не бежит от позора и наказания с родной земли: «Здесь свершился ее грех, здесь она провела много горестных дней, и здесь должно было прийти ее искупление».

ГОФМАН: «Свой среди чужих, чужой среди своих»

Гофман был чужим и среди братьев-юристов, и среди людей искусства. Он ни в чем не был укоренен, ничему не принадлежал целиком, ни для кого не был безоговорочно своим. Он был способным композитором, даровитым художником, блистательным писателем; даже в ненавистной юриспруденции проявлял безусловный талант. В жизни его преследовали бедность, болезни и беды; да и в его сказках конец редко был счастливым. Ярчайший из немецких романтиков, он не был особо популярен на родине, зато в других странах Европы, в Америке и в далекой холодной России любим и поныне.

Амадеус

Эрнст Теодор Вильгельм Гофман родился в семье адвоката Королевского суда 24 января 1776 года в старинном прусском городе Кенигсберге (до 1255 года – Твангсте, после 1946 года Калининград). Большинство его предков (немецких, венгерских и польских) были юристами. Родители рано разошлись, и мальчика воспитывали бабушка и дядя-юрист. Юный Гофман избрал стезю юриспруденции, но всю жизнь рвался в мир искусства (хотя юридические экзамены сдавал блестяще и на государственной службе отличался).

В честь любимого композитора Вольфганга Амадея Моцарта Гофман изменил имя Вильгельм на Амадей – так звался, так жил.

Скитания

Окончив Кенигсбергский университет, он служил в разных чинах. Попытки зарабатывать на жизнь искусством не удавались (из письма к другу: «Вот уже пять дней я ничего не ел, кроме хлеба»), и Гофман вновь возвращался к службе. После вечера в винном погребок Люттера и Вегнера, где Гофман засиживался подолгу, он садился писать; воображаемые ужасы иногда пугали его самого. А с утра уже был на службе. Через его жизнь и творчество чередой прошли Германия и Польша (Кенигберг, Глогау, Берлин, Потсдам, Лейпциг, Дрезден, Познань, Плоцк, Варшава, Бамберг, снова Дрезден, Лейпциг и Берлин), короли прусские, немецкие и польские, император Франции Наполеон... Творчество Гофмана всегда связано с событиями времени; веяния эпохи не проходят мимо него: психология и психиатрия, медицина, педагогика, теория сна, животный магнетизм, механические автоматы, теория электричества... В эпоху наполеоновских войн после разгрома Пруссии Гофман остался без места, свободным художником, обреченным на скитания и бедность. Он пишет: «Как бы мне хотелось пробиться сквозь строй перевертышей, сквозь толпы людей-автоматов, которые осаждают меня банальными пошлостями, – пробиться, хотя бы силой».

Друзья и возлюбленные

Друзьями Гофмана были писатель и философ Теодор Гиппель, соборный органист Христиан Подбельский, художник Алоис Молинари, композитор Иоганн Хампе, актер Людвиг Девриент, гитарист фон Гольбейн... В ближайший же круг его друзей вошли писатели Фридрих де ла Мотт Фуке и Давид Кореф, драматург Кристиан Якоб Саличе-Контесса, а также покровитель искусств Эдуард Хитциг, детям которого, Мари и Фрицу, Гофман посвятил сказку «Щелкунчик и мышинный король». В день святого Серапиона (14 ноября 1818 года) они создали знаменитое содружество «Серапионовы братья», прославленное в одноименном цикле новелл Гофмана. Интересно, что в 1921 году в Петрограде также возникло содружество писателей «Серапионовы братья»: Зощенко, Слонимский, Никитин, Лунц, Полонская, Груздев, Каверин, затем Федин и Вс. Иванов. В 1946 году, когда содружество давно распалось, партийный бонза Жданов оболгал сначала бывшего «Серапиона» Михаила Зощенко, а затем и всех «братьев» заодно с их идейным вдохновителем Гофманом. Только в начале 60-х годов произведения Гофмана начали понемногу возвращаться к русским читателям. Между тем Белинский называл его «одним из величайших немецких поэтов, живописцем внутреннего мира», а Достоевский перечитал всего Гофмана и по-русски и на языке оригинала.

С возлюбленными Гофману везло меньше, чем с друзьями: в юности он пережил страстный роман с замужней фрау Дорой Хатт (старше его на 9 лет), помолвку с кузиной Минной Дерфер, неудачную влюбленность в свою ученицу по вокалу Юлию Марк; наконец, обрел семью с польской панной Мариной Теклой Михалиной Рорер-Тжчиньской (Гофман нежно звал ее Мишей), но дочь Цецилия – первый и единственный ребенок Гофмана – рано умерла...

Музыка

Гофман вначале добился известности как музыкант и музыкальный критик. Его лучшим творением, *opus magnum*, стала опера «Ундина», написанная по мотивам повести Фридриха де ла Мотта Фуке (переведенной на русский язык Василием Жуковским и вольно пересказанной Гансом Христианом Андерсеном в сказке «Русалочка»). Премьера оперы прошла с небывалым успехом, но позже в страшном пожаре сгорел театр, декорации и ноты «Ундины»: «Декорации к „Ундине“ я никогда не забуду: бурная лесная река образует остров, на котором ночью впервые встречаются Ундина и Гульдбрандт под жалобные стоны рыбака, а еще сверкающий красками прозрачный дворец на дне Средиземного моря»...

Наиболее близок Гофману оказался *зингшпиль* («игра с пением») – комическая опера с разговорными диалогами. Однако не для Гофмана легкость и юмор жанра; герой его первого же зингшпиля «Маска» яростно кричит: «Да, я – безумец, мятущийся против судьбы, против природы, в бессильной ярости грызущий оковы, которыми опутал меня злой рок!» В древнем польском городе Познани труппа Карла Деббеллина поставила зингшпиль Гофмана «Шутка, хитрость и месть» на либретто Гете (!), а в Варшаве – «Веселые музыканты» и «Непрощенные гости, или Каноник из Милана». В Варшаве же Гофман завершил мессу и дирижировал своей симфонией, там звучали другие его сочинения, в том числе фортепианная соната. В Бамберге Гофман выступал в роли композитора, декоратора, драматурга, режиссера и помощника директора театра – и создал образ Иоганнеса Крейсера, своего alter ego («Музыкальные страдания капельмейстера Крейсера»).

Романтизм Гофмана

Немецкие романтики считали искусство единственной возможностью преобразовать мир. Атмосфере будней должна противостоять земля обетованная художников, музыкантов и поэтов, а также темные силы – для равновесия. Так, Гофман изображает Берлин – светло, уютно. Но в почтовую карету и католический храм, в дома и улицы врываются космические бунтующие силы, создавая темную изнанку «доброто и славного» города. Берлинская гостиница «Золотой орел» стала местом действия новеллы «Приключения в новогоднюю ночь», герой которой (господин Суворов) продал дьяволу собственное отражение, а потому завешивал зеркала. (Говорят, что генералиссимус Александр Суворов по причине малого роста не любил свое отражение в зеркале и зеркала повсюду занавешивал).

Романтики считали также, что искусство в идеале своем едино, синтетично. Гофман – музыкант и композитор, художник и писатель – был как никто другой близок к синтезу искусств, но обостренно и трагически осмысливал действительность. Его лучшие сказки напоминают пугающие видения Брейгеля: «Песочный человек», «Щелкунчик и мышинный король», «Золотой горшок» и, в особенности, «Крошка Цахес по прозванию Циннобер» (гениальное прозрение – невиданный герой, которому окружающие приписывают все хорошие черты и поступки других людей). Однако его философские, почти реалистические романы «Житейские воззрения кота Мурра» и «Повелитель блох» – страшнее. Он понимает бессилие романтического противостояния реальной жизни, но только в искусстве и мечтаниях видит жизнь, свободную от «корыстных побуждений и мелочных забот». В сущности, Гофман ставит искусство превыше самой жизни, – это ли не истинный романтизм?..

История Щелкунчиков

В Рудных горах, близ границы с Чехией, есть немецкий городок Зайфен, где летом жители моют оловянную руду, а зимой вырезают игрушки из дерева. Здесь мастер Фюхтнер создал Щелкунчика – деревянного зубастика, забавные щипцы для колки орехов, грубо раскрашенную карикатуру на короля и кнехта, разбойника и жандарма.

В 1699 году местный крестьянин нагрузил тачку местными игрушками и повез на ярмарку в Лейпциг, где выгодно их распродал, особенно Щелкунчиков. С тех пор каждый зайфенский мастер непременно вырезал Щелкунчика. К началу XX века Щелкунчики обрели лики старых солдат, лесников, полицейских и пожарных, а под резцом мастера Рихарда Лангера Щелкунчик стал мужичком с носом-пуговкой и в треуголке. К концу Второй мировой войны Щелкунчик попал и за океан: американские солдаты посылали его своим детям как символ силы и удачи.

Ныне в Зайфене, в Музее разных Щелкунчиков (солдат, лесников, полицейских, пожарных и лукавых мужичков) хранятся работы легендарных мастеров и самый большой в мире Щелкунчик, занесенный в книгу рекордов Гиннесса.

А величайший в мире Щелкунчик родился в 1816 году под пером Гофмана в сказке «Щелкунчик и Мышиный король», где девочка Мари и ее младший брат Фриц переживают удивительные приключения благодаря рождественскому подарку крестного Дроссельмейера.

Сказка поразила воображение русского мальчика Петра Чайковского, создавшего впоследствии бессмертный балет «Щелкунчик» – о том, как любовь и дружба побеждают злое колдовство и саму смерть; о вечной тоске по детству, оставшемуся под огнями рождественской елки. Говорят, Гофман перед смертью вспоминал о Пряничном городе – одном из владений Щелкунчика. В основу балетной постановки Мариус Петипа положил пересказ Александра Дюма, превративший ироническую сказку в мелодраму, которую гений русского композитора поднял до возвышенной феерии. Балетные чудеса можно счесть сном милой девочки – в отличие от оригинала Гофмана, где чудеса реальны: «Мари, как говорят, еще и поныне королева в стране, где, если только у тебя есть глаза, ты всюду увидишь сверкающие цукатные рощи, прозрачные марципановые замки – словом, всякие чудеса и диковинки».

После жизни

Жизни Гофмана и его произведениям посвящена опера Жака Оффенбаха «Сказки Гофмана» и поэма Миколы Бажана «Ночь Гофмана». Гофман глубоко повлиял на творчество Эдгара По, Говарда Лавкрафта и Михаила Шемякина, а также рок-музыканта, лидера групп «Агата Кристи» и «Глеб Самойloff & the Matrixx» Глеба Самойлова. В честь героини его повести «Принцесса Брамбилла» назван астероид №640, открытый в 1907 году. Замечательный балет «Коппелия» написан Лео Делибом по мотивам сказки Гофмана «Песочный человек».

Смерть судебного советника

Гофман никогда не читал газет и не беседовал о политике. Но «если вы не интересуетесь политикой, политика однажды заинтересуется вами»: будучи советником Берлинского суда, Гофман стал членом «Следственной комиссии по выявлению изменнических связей и других опасных происков», где он «весело крутился вместе с ведущим колесом государства», преследуя «демагогов» – сторонников национально-патриотического движения, возникшего в период освободительных войн против Наполеона. Не поддерживая подобные движения, Гофман соблюдал объективность и законы, а посему король Пруссии Фридрих-Вильгельм III назвал его «адвокатом демагогов». А в повести «Повелитель блох» Гофман дал себе волю и вывел реальных лиц (в том числе шефа полиции Карла фон Камптца) и процитировал подлинные документы (в том числе заметки фон Камптца на бумагах несправедливо обвиненного студента Густава Авериуса). После этого против судебного советника возбудили судебное дело. Прикованный к постели Гофман был обвинен в оскорблении величества и разглашении государственной тайны. Он продиктовал оправдательную речь, ссылаясь поэтику Жана Поля, Смоллетта, Лихтенберга и других известных сатириков: юрист защищал права литератора.

От суда и тюрьмы его избавила смерть. Друзья, верившие, что в Гофмане воплотилась мечта романтиков об универсальном художнике, установили на его могиле на Иерусалимском кладбище надгробную плиту с надписью:

Э. Т. А. Гофман, род. в Кенигсберге в Пруссии 24 января 1776 года, умер в Берлине 25 июня 1822 года. Советник апелляционного суда; отличился как юрист, как поэт, как композитор, как художник

Жив Щелкунчик

Умер судебный советник.

Живет в веках писатель, приобщивший бюргерское здравомыслие к миру чудес; доказавший жизнью своей, что искусство важнее, чем сама жизнь, и что игрушечная сабелька Щелкунчика долговечней стальных клинков.

ДЕФО: СКРЫТНЫЙ СЫН БУРНОГО ВЕКА

Жизнь и удивительные приключения Даниэля Дефо, писателя, журналиста, торговца, дельца, моряка, авантюриста, политического деятеля и тайного агента из Криплгейта, прожившего более 70 лет в Лондоне среди буржуа и аристократов и иногда навещавшего Испанию и Францию по торговым делам, а Шотландию – по шпионским. Описывал в подробностях также и дальние страны, в коих не бывал никогда – Россию, Китай.

Автор не одного романа

Его главный роман известен всему миру: «Жизнь и удивительные приключения Робинзона Крузо, моряка из Йорка, прожившего двадцать восемь лет в полном одиночестве на необитаемом острове у берегов Америки, близ устьев реки Ориноко, куда он был выброшен кораблекрушением, во время которого весь экипаж корабля, кроме него, погиб, с изложением его неожиданного освобождения пиратами; написано им самим».

Однако он был автором еще несчетного множества разнообразнейших произведений. Его публицистика предлагала серию реформ («Опыт о проектах» – усовершенствовать пути сообщения, открыть банки, сберегательные кассы для бедных и страховые общества) и свод современной морали («Совершенный британский негодник»). Его брошюры защищают гражданские свободы; сатиры яростно обличают тех, кто эту ярость заслужил. Романы его являют перечень успехов и неудач героя, путь которого ведет через преступления к богатству, довольству и раскаянию (которое, однако, приходит не раньше богатства). Герои эти упорны, практичны, здравомыслящи; стремятся к самоутверждению, возможному только через скорое обогащение, а посему становятся пиратами, ворами, авантюристами, проститутками. Романы написаны от первого лица, живым разговорным языком своего времени, простым, точным и ясным; они выросли из его журналистики: жизнеописания – «Жизнь и деяния Джонатана Уайльда» и «Записки кавалера»; исторические – «Дневник чумного года» и документальный трехтомник «Путешествия Англией и Шотландией»; приключенческие – «Капитан Сингльтон» и «История полковника Жака»; женские социально-уголовные – «Молль Флендерс» и «Роксана». Его считают основоположником европейского романа нового времени.

Коммерсант

Его звали Даниэль Фо; со временем он стал называть себя Дефо (звучало как де Фо, по-благородному). Родился то ли в 1660, то ли в 1661 году в Криплгейте, на окраине Лондона; скончался в 1731 году в Мурфилдсе. Отец его был то ли торговец мясом, то ли свечной фабрикант, но уж точно пуританин и противник господствующей англиканской церкви. Воспитанный в религиозном духе, Даниэль поступил в духовную школу и даже готовился стать пастором, но позднее отказался от церковной карьеры. Отец посылает его изучать бухгалтерию и торговую практику в Лондон, в Сити, в контору оптовой чулочной фирмы; обучившись, Даниэль сам открыл оптовую чулочную торговлю в Корнхилле. Затем стал сначала управляющим, а потом и владельцем большого кирпично-черепичного завода; кроме того, занимался виноторговлей и даже основал собственную фирму. Часто ездил в Испанию и Францию, где знакомился с жизнью торговой Европы и совершенствовался в языках. Всю жизнь занимался рискованными коммерческими операциями; часто был удачлив, еще чаще терпел убытки; наконец, совершенно разорился. Чтобы избежать конфискации, переписал дом и имущество на сына, который не вернул отцу ни пенни. Впрочем, в жизни своей семьи (жены и шестерых детей) Дефо почти не участвовал, так что удивляться нечему. Последние годы жил в болезнях и одиночестве, скрываясь от преследований кредиторов и обманутого им издателя. Квартирная хозяйка похоронила Дефо, а вещи продала.

Бунтарь

Дефо всегда находился в сердце политической и религиозной борьбы своей тревожной эпохи. В 1685 году он принимает участие в восстании герцога Монмута («восстание с вилами»). Живший в Голландии протестант Джеймс Скотт, герцог Монмут, внебрачный сын Карла II, выдвинул свои притязания на престол и, высадившись в Англии, попытался свергнуть Якова II Стюарта, короля Англии – католика, «паписта». После поражения при Седжмуре Монмут был схвачен и обезглавлен. Странники короля в процессах над бунтарями проявили особое изуверство, что только ускорило окончательное падение Стюартов в 1688 году.

После подавления восстания Дефо скрывался от властей и сочувственно встретил переворот 1688 года – свержение королевской власти. Долой аристократов, да здравствует Кромвель и правление буржуа!

Долой аристократов, да здравствует король!

В результате многих смут на престол воссел Вильгельм III, принц Оранский, правитель Нидерландов, далее король Англии и Шотландии. Он осуществил разумные и необходимые реформы, заложившие основу политической и хозяйственной системы страны и способствовавшие стремительному взлёту Англии и её превращению в могучую мировую державу. В то же время при Вильгельме Оранском власть монарха ограничивается рядом законоположений, установленных фундаментальным «Биллем о правах английских граждан». Однако английская аристократия нападала на короля; внешне не столько за его благоволение к буржуазии, сколько за то, что он был не англичанин (это снисходительное презрение к иностранцам сохранилось у британских подданных и по сей день). И в этот момент Дефо издает остроумнейший стихотворный памфлет «Чистопородный англичанин». Восемьдесят тысяч экземпляров было продано из-под полы на улицах Лондона в течение нескольких дней (это за сто лет до первой переписи населения в 1801 году, когда в Лондоне проживало чуть более миллиона человек). Дефо выступил в защиту короля и, нападая на аристократию, с блеском показал, что древние аристократические британские роды ведут своё начало от норманнских пиратов, а новые – от французских лакеев, парикмахеров и гувернёров, хлынувших в Англию во время реставрации Стюартов. После издания этого памфлета Даниель Дефо близко сошелся с королем и оказал громадные услуги английским коммерсантам при получении торговых привилегий и закреплении их парламентскими актами.

Еретик

Религиозные распри сотрясали Англию. Борьба господствующей церкви с диссидентами (раскольниками, религиозными противниками) была столь же непримиримой, сколь и борьба аристократов с буржуа. В момент, когда страсти наиболее раскалились, Дефо весьма кстати выступил с памфлетом «Кратчайший способ расправы с диссидентами», предложив попросту перевешать диссидентов. Вначале аристократы и фанатики из высшего духовенства приняли всерьёз совет Дефо. Но когда выяснилось, что Дефо дискредитировал доводы сторонников господствующей церкви, приведя их к абсурду, церковь и аристократия добились ареста Дефо и суда над ним. Дефо был приговорён к короткому тюремному заключению, крупному штрафу, семи годам «примерного поведения» (то есть условно) и троекратному выставлению к позорному столбу. Этот средневековый способ наказания был особенно мучителен для людей тонкой душевной организации: всякий уличный зевака, тем более принципиальный противник писателя и его идей, имел право всячески издеваться над осуждённым. Однако кара превратилась в триумф: Дефо и его позорный столб публика осыпала цветами.

А все дело в том, что ко дню стояния у позорного столба Дефо успел из тюрьмы напечатать другую гениальную сатиру – «Гимн позорному столбу», который толпа распевала на улицах и площадях, в том числе и вокруг позорного столба Дефо.

Шпион

Памфлет «Кратчайший способ расправы с диссидентами», по мнению многих, стал самым громким литературным событием века. Но, несмотря на массу цветов у позорного столба и пение толп «Гимна позорному столбу», враги и друзья сочли Дефо предателем. После жестокого приговора к Дефо обратился Роберт Гарлей (будущий государственный секретарь) с предложением, от которого закабаленный долгами писатель не мог отказаться. Дефо был помилован, штраф выплачен из королевской казны, а взамен Дефо должен был стать «агентом влияния», представляя в печати политику правительства в выгодном свете, более всего в правительственной газете «Обозреватель». Кроме того, Дефо был назначен тайным агентом правительства Англии в Шотландии с заданием сообщать о внутренних шотландских делах и влиять на умонастроения людей. «Если бы только стало известно, что он шпионит, его бы разорвали на куски», – писал друг, осведомленный о тайной жизни Дефо.

Даниель Дефо уехал в Эдинбург, где приобрел множество знакомых и широкую известность. Ему так по душе пришлась Шотландия, что он даже хотел остаться там навсегда. Когда обсуждался вопрос об объединении Англии и Шотландии в шотландском парламенте, вышла поэма Дефо «Каледония», написанная в честь Шотландии; а после утверждения акта об объединении Дефо написал «Историю объединения двух королевств». Вот так искренне он полюбил страну, за которой честно шпионил.

Долгая жизнь Робинзона

Замысел прославленного романа о Робинзоне Крузо возник на основе реальной истории шотландского боцмана Александра Селькирка, отличавшегося крайне неуживчивым и склочным характером. После скандала на корабле его снабдили оружием, пищей, семенами и инструментами и высадили по его собственному требованию на необитаемый остров Хуан Фернандес в Тихом океане, где Селькирк прожил четыре года. Разумеется, герой Дефо не таков. Он благодаря своему труду, воле и смекалке создает целый мир на своем острове, сохранив рассудок и веру. Одиноким человеком Робинзон Крузо словно воплощает тысячелетия борьбы всего человечества за существование, оставаясь при этом «чистопородным англичанином», а также торговцем и авантюристом.

Фантастический успех «Робинзона Крузо» побудил писателя показать любимшего героя и далее: в откровенно скучном романе «Последующие приключения Робинзона Крузо» и длинном философском эссе «Серьезные размышления в течение жизни и удивительные приключения Робинзона Крузо, с его виденьем ангельского мира».

В «Последующих приключениях» Робинзон с верным Пятницей путешествует по четырем континентам, побывав в Бразилии, на юге Африки, на острове Мадагаскар, в Индии, на Филиппинах и в Китае; а на родину возвращается через Сибирь – до Архангельска и оттуда отплывает в Англию.

Китай Робинзону откровенно противен: «Я очень склонен думать, что мы дивимся величию, богатству, пышности, торговле и нравам китайцев не потому, что всё это действительно достойно удивления, – нет, мы просто не ожидали встретить всё это в столь варварской, грубой и невежественной стране. ...китайцы показались мне презренной толпой или скопищем невежественных грязных рабов, подвластных достойному их правительству».

Последний вояж Робинзона

Свое последнее путешествие Крузо совершил через Россию. Естественно, нам интересен взгляд – нет, не столько Крузо, сколько Дефо, хотя сам Дефо в России не бывал, – на московское государство: «Я не мог не почувствовать огромного удовольствия по случаю прибытия а христианскую, как я назвал ее, страну. Ибо, хотя московиты, по моему мнению, едва ли заслуживают названия христиан, однако, считают себя таковыми и по своему очень набожны».

Вскоре Робинзон убедился, что цивилизация едва коснулась громадных пространств Сибири, населенных язычниками. Однако в городе Тобольске – «столице Сибири» – Робинзон встретил московских дворян, князей, военных в больших чинах и других «замечательных особ», сосланных Петром I в Сибирь. Крузо сошелся с опальными аристократами и «не без приятности проводил с ними долгие зимние вечера». Торговля тоже удалась: «Я накопил много соболей, чернобурых лисиц, горностаев и других дорогих мехов в обмен на привезённые мною из Китая товары, особенно на гвоздику и мускатные орехи, которые я продал частью здесь, частью в Архангельске по более высоким ценам, чем я мог бы продать их в Лондоне».

Путешествие Робинзона по Московии продолжалось один год, пять месяцев и три дня, из которых «приятностью» отличались только восемь месяцев в Тобольске, проведенные, в сущности, с узниками, но исполненными духовной свободы.

Герой и автор

Моряк и торговец Робинзон Крузо пылко насаждает христианство и среди дикарей на «своем» острове, и среди язычников Сибири (где, рискуя жизнью, рушит местного идола). Он благодарен Всевышнему за спасение от верной смерти и приличные условия жизни (многое могло сложиться намного хуже) и потому выражает свою признательность в миссионерстве.

А вот сам Дефо верил, что хотя Бог есть, но надежды на него нет, и потому рассчитывал только на себя.

ДИТРИХ: Нежность

Марлен Дитрих считали не только великой актрисой, но и невероятно соблазнительной женщиной, «Клеопатрой двадцатого века», пленявшей мужчин и женщин, не знавшей отказа и не отказывающей никому: «Они такие милые, когда просят... А потом ужасно счастливы. Вот и нельзя отказать». Она не держала в тайне свои многочисленные романы и вновь расцветала под солнцем каждой новой любви.

Дочки-матери

Мария Магдалена фон Рош, будущая Марлен Дитрих, родилась в 1901 году. Аристократическая мать воспитывала девочку в строгости, с религиозным пылом. Училась Мария в интернате, вдали от родителей. Мать приезжала редко – проверить оценки и помыть девочке голову. Представления матери о красоте и благородстве навсегда врезались в душу дочери. Мать заставляла Марию туго (до боли) шнуровать высокие ботинки, чтобы лодыжки были аристократически тонкими. Взрослая Марлен Дитрих два года заставляла свою маленькую дочь Марию-Элизабет спать в стальных колодках, чтобы ножки были идеально прямыми. Материнская забота не заменила материнскую любовь: за три дня до смерти 89-летняя Марлен Дитрих прочла книгу дочери, которая на весь свет провозгласила: «Я не люблю Марлен».

Красота – в глазах смотрящего

Марлен Дитрих не отвечала голливудским стандартам: рост 165 см, пухленькая, с маленькой грудью. Поэтому знаменитая американская кинокомпания «Парамаунт», пригласившая Дитрих в США после успеха немецкого фильма «Голубой ангел», создала новый облик актрисы, впервые явленный в фильме «Марокко»: волна светлых волос, тонкие удивленные брови, мерцающий блеск глаз, впалые щеки... Дитрих добавила к этому невиданные наряды (шорты, высокие сапоги и белый цилиндр или «голое» платье от Жана Луи под мантией из лебединых перьев); «подтяжку» лица при помощи пластыря; «корректировку» груди при помощи клейкой ленты. Роковая женщина, истинная звезда, имела бешеный успех в фильмах «Белокурая Венера», «Кровавая императрица», «Семь грешников», «Страх сцены», «Печать зла» и, конечно, «Свидетель обвинения». Ее глаза, тело, движения завораживали, но более всего прельщал голос, то нежный, как воркование голубки, то хриплый, как стон пантеры, то резкий, как удар хлыста. Хэмингуэй сказал: «Будь у Дитрих только голос, она все равно разбила бы вам сердце».

Успех, слава, счастье

Еще девчонкой она записала в дневнике: «Счастье всегда приходит к усердным» – и всю жизнь следовала этому принципу. Ее уроки скрипки длились по пять часов кряду, она танцевала в кордебалете, пела в ревю, смотрела все новинки кино, учась его основам. Она усердно трудилась на сцене и в кадре, но в Германии стала звездой только после тринадцати картин (счастливый номер!), а всемирная ее слава засияла только в Голливуде.

Главный режиссер в ее жизни, Джозеф фон Штеренберг, создавал ее знаменитый образ из множества деталей, начиная с требования похудеть и заканчивая световыми нюансами, лепившими ее неповторимое лицо. Она стала образцом профессионализма, вносила блеск в каждую роль. Хичкок, у которого Марлен снялась лишь однажды, считал, что «она профессиональная актриса, профессиональный оператор и профессиональный модельер». Все, кто работал с ней, восхищались ее энергией, работоспособностью и умением вникать в детали. Она знала все о линзах, софитах, была своим человеком в монтажной и реквизитной, умело пользовалась жестом и создавала шедевры, играя подтекст, намек, недосказанность. Успех пришел к ней, усердной; повлек славу; но принес ли счастье?..

Страсти по Марлен

*Снова любовь в сердце моем,
Как ни крути – бесполезно
Пробовать дать ей под зад каблучком
Или поставить на место.
Песенка из фильма «Голубой ангел»*

Марлен Дитрих никогда не искала мужа, не ревновала и не охотилась за земными сокровищами. Брак почитала святыней, однако страстям, продолжавшимся час или день, год или тридцать лет, отдавалась беззаветно. О ней говорили: отдает все и ничего, и нельзя ею завладеть.

Юная актриса потеряла голову от высокого белокурого красавца, ассистента режиссера Рудольфа Зибера прямо на съемочной площадке и вышла за него замуж немедленно... как только мать разрешила. В браке появилась дочка Мария-Элизабет, единственный ребенок. Вскоре после ее рождения Марлен прекращает плотские отношения с мужем, погружается в бесконечные романы, да и у него появляются увлечения.

В бесконечном списке возлюбленных Марлен – композитор Миша Шполянский. Юный Юл Бриннер. Нежный и сладостный Фрэнк Синатра. Дуглас Фербенкс-младший (вылепил Марлен нагой и преподнес ей скульптуру, оставив себе гипсовую копию). Дипломат Эдлай Стivenсон. Великий физик Роберт Оппенгеймер. Режиссер Фриц Ланг. Джозеф фон Штернберг – режиссер, который ее и «сделал»; актер Гэри Купер, с которым Марлен снималась в своем первом американском фильме «Марокко»; баскетболист Джонни Маккалиф, актер Брайан Эхерн, теннисист Фред Перри, герой венской оперетты Ганс Ярая, звезда немого кино Джон Гилберт. В Париже – один из Ротшильдов.

Звездная любовь Марлен и Жана Габена началась в Голливуде, в 1941. Когда Габен ушел на войну, вступив в войска де Голля, Дитрих отправилась за ним в Алжир...

А еще пылкая красавица Мерседес де Акоста. А еще гениальная певица Эдит Пиаф. А еще американская писательница Гертруда Стайн. И такое было.

Через океан пылал безнадежной и безответной страстью фюрер. Гитлер боготворил Марлен, ежедневно смотрел ее фильмы, убеждал вернуться на родину, обещая триумфальное прибытие в Берлин через Бранденбургские ворота. Не убедил.

Дружеская любовь

*Мы так близки, что слов не нужно,
Чтоб повторять друг другу вновь,
Что наша нежность и наша дружба
Сильнее страсти, больше чем любовь.
Песенка*

Это была любовь с первого взгляда. Они встретились на борту французского океанического лайнера «Иль де Франс», когда Хемингуэй возвращался через Париж из сафари в Африке, а Дитрих держала путь в Голливуд, навестив в последний раз родственников в фашистской Германии.

Их первую встречу Марлен описывает так: «.. Энн Уорнер – жена всемогущего продюсера Джека Уорнера – давала прием на корабле, и я была в числе приглашенных. Войдя в зал, я мгновенно заметила, что за столом двенадцать персон. Я сказала: «Прошу меня извинить, но я не могу сесть за стол – нас окажется тринадцать, а я суеверна». Никто не пошевелился. Вдруг внезапно передо мной возникла могучая фигура: «Прошу садиться, я буду четырнадцатым!» Пристально рассматривая этого большого человека, я спросила: «Кто вы?»

Роман их продолжался вплоть до смерти писателя, но Дитрих и Хемингуэй так и не познали радостей плоти, только в письмах полыхали бешеные страсти. «Ты так прекрасна, что твои фотографии на паспорт следовало бы делать трехметровыми», «Целую тебя горячо!», «Влюбляюсь в тебя, это ужасно!», «Я забываю о тебе иногда, как забываю, что бьется мое сердце», – пишет он. «Любить тебя сильнее, чем я люблю, невозможно», «Я буду любить тебя вечно и еще дольше!», «Ты стал моей гибралтарской скалой!», – заверяет она. Им не было дано судьбой осуществить эту любовь: «Моя любовь к Хемингуэю не была мимолетной привязанностью. Нам просто не приходилось долго быть вместе в одном и том же городе. Или он был занят какой-нибудь девушкой, или я не была свободна, когда был свободен он. А так как я уважаю права „другой женщины“, я разминулась с несколькими удивительными мужчинами, как проплывают мимо светящиеся ночные корабли. Однако я уверена, что их любовь ко мне длилась бы намного дольше, если б я сама была кораблем, стоящим в гавани».

Письма от Хемингуэя, бережно хранимые Марлен в ячейке банка, подтверждают: их отношения никогда не переходили границ «дружеской любви». Марлен даже активно помогла Эрнесту завоевать любовь и руку Мэри Уэлш, «Венеры карманного формата», заурядной, малопривлекательной женщины, с которой писатель прожил до конца своих дней, столь несправедливо рано оборванных его собственной рукой.

И для Марлен Хемингуэй навсегда остался недочитанной книгой: «Прошли годы без него, и каждый год был больше предыдущего... Он был мудрым человеком, мудрейшим из всех советчиков, главой моей собственной религии... Если бы была жизнь после смерти, он поговорил бы со мной теперь, может быть, этими длинными ночами... Но он потерян навсегда, и никакая печаль не может его вернуть».

*Лупят ураганным, Боже помоги,
я отдам Иванам шлем и сапоги,
лишь бы разрешили мне взамен
под фонарем стоять вдвоем
с тобой, Лили Марлен...
«Лили Марлен», перевод Иосифа Бродского*

Страсть после нежности

Эта встреча была, по словам Ремарка, «ударом молнии и всполохом зарницы». Эрих Мария сразу предупредил Марлен: «Я импотент!». Актриса возликовала: «Какая прелесть – мы сможем просто болтать обо всем на свете и пить вино. А любовью со мною могут заниматься другие, менее талантливые». Ей нужна душа гения, она готова быть его музой, слушать и сочувствовать; вместе обсуждать философию Канта и поэзию Рильке. Но вскоре и плоть знаменитого писателя не устояла перед женственностью Марлен: они стали любовниками. Увы, вспышки страсти и минуты нежности слишком часто сменялись непониманием, ревностью, недоверием и даже враждой, мучительными для обоих. Роман тел, «чувственная гроза» завершился печально. Но продолжался роман в письмах – трогательных, наполненных щемящей нежностью...

Ремарк воспевает любимую: «Ангел, волшебная, небесное создание, любимая, мечта»; «сердечко, свет над всеми лесами», «маленькая обезьянка», «ангел благовещенья», «мадонна моей крови», «северный свет», «пламя над снегом»... Он называл ее «Пумой», и то звал к себе, то яростно отталкивал. Он написал ей триста писем (ни слова о политике, режиме, проблемах, только о любви), а она ему – двадцать. Только благодаря Дитрих Ремарк получил американскую визу и в 1939 году – перед началом войны – уехал из нацистской Германии в США. Только благодаря Дитрих Ремарк вновь взялся за перо. Они вместе – и Ремарк пишет: «Нет больше несчастья, ведь ты со мной».

Отношения с Марлен Дитрих Ремарк увековечил в одном из самых известных своих романов «Триумфальная арка», где сам Ремарк выведен как Равик, а Дитрих описана в образе Жоан Маду: «Он видел ее бледное лицо, высокие скулы и широко расставленные глаза. Лицо было застывшим и напоминало маску – лицо, чья открытость уже сама по себе была секретом. Оно ничего не прятало, но и ничего не раскрывало, оно ничего не обещало и обещало все».

Возможно, история их истории любви была грандиозной иллюзией, исполненной лжи и самообмана, но освещенная огнем творчества Ремарка, который никогда не был писателем в большей мере, нежели чем в интимных письмах к возлюбленной. Письма Марлен почти не сохранились (их уничтожила жена писателя Полетт Годар, до Ремарка бывшая супругой Чарльза Спенсера Чаплина), а письма Ремарка остались, прекрасные и печальные, полные любви и тоски и составившие еще один роман – короткую историю страсти и долгую – нежности.

*В мире нет банальней смерти на войне
и сентиментальней встречи при луне,
в мире нет круглей твоих колен,
колен твоих, Ich liebe dich,
моя Лили Марлен...
«Лили Марлен», перевод Иосифа Бродского*

Одиночество

Во время концерта в Сиднее Марлен Дитрих упала и сломала шейку бедра. Блистательная карьера закончилась. Жизнь закончилась тоже, началось саморазрушение: Дитрих пачками глотала лекарства, запивая алкоголем. Свою спальню называла «матрасным склепом». Последние годы общалась с миром только по телефону. Никто не увидел ее разбитой, старой, некрасивой. Единственная дочь отвернулась от нее. Квартира, наполненная фотографиями ушедших мужа, друзей, любовников, превратилась в храм воспоминаний. Она совершенствовала сценарий своих похорон: «Красную гвоздику тем, кто спал со мной; белую, кто врал об этом». Предсказывала реплики и ссоры давних и недавних любовников у своего гроба. Писала: «Надо бояться жизни, а не смерти. И ни в коем случае не плачьте, когда я умру. Оплакивайте меня сейчас!» Возможно, это время в жизни Марлен и предсказал Ремарк: «Слишком много в прошлом, а будущего нет».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.